

НИК ХЭЙСТЕД

ОТ ИЗГОЯ ДО КОРОЛЯ ХИП-ХОПА

ЕМИНЕМ

КЛАДЕЗЬ
МУЗЫКА

Издательство АСТ

Москва

УДК 785.071.1:929(73)
ББК 85.318(3)-8
Х99

Nick Hasted

THE DARK STORY OF EMINEM. UPDATED EDITION

This Translation of «The Dark Story of Eminem. Updated Edition», first published in 2011, is published by arrangement with Omnibus Press.

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Lyrics reproduced by permission of Music Sales Limited on behalf of Famous Music Corporation, USA/Chrysalis Music Limited/Sony Music Publishing (UK) Limited/Windswept Music (London) Limited/BMG Music Publishing Limited/Universal Music Publishing Limited.

All Rights Reserved. International Copyright Secured.

Cover designed by Fresh Lemon Front cover photography by AP Photo / Matt Sayles.

Перевод с английского *Анастасии Орловой*.

Хэйстед, Ник.

Х99 **Eminem. От изгоя до короля хип-хопа / Н. Хэйстед [пер. с англ. А.С. Орлова]. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь. Музыка, 2026. — 320 с.: [ил.] — (MUSIC LEGENDS & IDOLS).**

ISBN 978-5-17-164553-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-1-84938-458-2 (англ.)

Честный рассказ о пути Маршалла Мэтерса: от бедных районов Детройта до статуса одной из самых влиятельных фигур в мировой музыке. Выросший среди нищеты, насилия и расовых конфликтов, он сумел превратить личную боль в творчество и создал альтер эго Slim Shady — дерзкий и провокационный, изменивший представление о рэпе и поп-культуре.

Ник Хэйстед прослеживает ключевые этапы жизни и карьеры Эминема: тяжелые отношения с матерью и Ким Скотт, дружбу и работу с участниками D13 и продюсером Dr. Dre, трагическую гибель лучшего друга, период зависимости и творческого застоя. Особое место в книге занимает исчезновение артиста из публичной жизни, реабилитация и триумфальное возвращение с альбомом *Recovery*.

От трезвого и сосредоточенного периода творчества до альбома *The Death of Slim Shady (Coup de Grâce)*, в котором конфликт между Маршаллом Мэтерсом и его «другим Я» достигает апогея. Это история о цене успеха, внутренней борьбе и тяжелом пути к собственному голосу.

**УДК 785.071.1:929(73)
ББК 85.318(3)-8**

ISBN 978-5-17-164553-3
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-1-84938-458-2 (англ.)

© 2003 Omnibus Press This edition
© 2011 Omnibus Press
(A Division of Music Sales Limited)
© Перевод А.С. Орлова, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Для Стэйси Шелли,
самого смелого человека из мне известных,
который помог написать это.
С любовью.*

Лихорадка

8 февраля 2001-го. Тучи гнева и возмущений сгустились неделями, подпитываемые политиками и студентами, борцами за права геев и женскими сообществами, репортерами гомофобных таблоидов и либеральных газет. Пока Эминем спит в личном самолете, доставляющем его из Парижа в Манчестер, где стартует его тур по Великобритании, британцы ругают, рвут его на куски и поддерживают с такой силой, с какой обычно встречают общественных врагов и потрясающих поп-звезд.

В Америке его преследовали из-за обвинений в причинении насилия и увечий: его родная мать, Дебби Мэтерс-Бриггс, хотела получить 10 миллионов долларов за моральный ущерб, причиненный им, его жена Ким думала о разводе и недавно даже порезала запястья из-за оскорблений в его текстах. Говорят, он замахнулся пистолетом на поцеловавшего ее мужчину и пригрозил оружием еще одному, и все это за одну ночь. Но больше всего беспокойства в Великобритании вызвали записи с его последнего альбома *The Marshall Mathers LP* и то, что могло быть у него на уме. Исполнитель заявлял, что это он убил жену О. Джея Симпсона и вооружил стрелков в школе «Колумбайн», что хочет убить своих родителей и жену, он же насмеялся над женщинами и гомосексуалами.

Вот почему 100 борцов за права геев собрались у «Манчестер Арены» за несколько часов до выхода музыканта на сцену. Вот почему следующим утром его фотография в хоккейной маске и с бензопилой

в руках была на первой полосе каждой газеты. Вот почему полиция ворвалась к нему в гримерную после выступления только чтобы обнаружить, что он исчез.

Эта истерия, доходящая до бешенства, редко встречавшаяся со времен The Sex Pistols, засасывала в себя комментаторов и членов общества, не заинтересованных в поп-музыке, но, как и лихорадка, быстро спадала. Сядясь на поезд, чтобы попасть на манчестерское шоу, я понимаю, что Эминем спровоцировал более глубокие обсуждения. *The Marshall Mathers LP* и, в частности, его недавний топовый сингл «Stan» — шизоидная, саморефлективная история безумной любви фаната Эминема к своему кумиру — сильно зацепили всех моих друзей. Одна из моих подруг полусерьезно предлагала секс за любой лишний билет, который я мог бы найти. Другой друг, предпочитающий исключительно классическую музыку, ставит на повтор «Stan» снова и снова на вечеринке, как зачарованный. И каждый раз, когда звучит имя Эминема, разговор о нем затягивается не менее чем на час, пока кто-нибудь не поднимет эту тему заново. Можно ли смеяться над ним? Нормально ли обожать его?

Он слишком захватывающий, слишком неоднозначный и слишком последовательный в своей ярости, чтобы быть проигнорированным. В *The Marshall Mathers LP* он с радостью сплясал на каждой постыдной социальной проблеме в Америке, принял унижительную и неуклюже ненавистническую сторону своей страны, от издевок над мизогиническим мачизмом¹ до гомофобии. И каким же было его оправдание, прозвучавшее во время тура? «Простите за клише, но я просто продукт своего окружения. Меня сделала Америка».

Как известно, он рос в нищете — белый мальчик в черной части самого бедного района Детройта, сын обедневшей матери-одиночки. За цвет кожи чернокожие соседи избивали до полусмерти и стреляли в него. И все же героями этого белого мальчика, подвергавшегося расистским нападкам, были чернокожие рэперы; и теперь он среди них, самый безбашенный из всех, словно какое-то извращенное воплощение мечты борца за гражданские права чернокожих.

Американские политики и группы давления трусливо грозят пальцем его неестественному превосходству. Но музыка Эминема

¹ Мачизм — проявление агрессивной маскулинности, связанное с идеей мужского превосходства и демонстрацией силы. *Прим. ред.*

ма проскакивает мимо ее самых искренних обвинителей, потому что он более изощренный, в некотором смысле такой же важный, как и его расовые проступки. Будучи с детства фанатом гангста-рэпа и присущих ему фантазий и выросший в реальном (а для него, возможно, «неправильном») гетто, он отлично понимает разницу между преувеличенным искусством и мрачной реальностью. Это дало ему возможность исследовать крайне эмоциональные аспекты, на существование которых его страна — которая скорее будет цензурировать рэперов, чем открыто обсуждать существующие разделенные расово гетто, нищету и перестрелки — предпочитает закрывать глаза.

Вот чем были заняты мои мысли, когда я зашел в «Манчестер Арену» за минуты до того, как он вышел на сцену. Протестующие уже давно разошлись. Остался только 28-летний Маршалл Мэтерс собственной персоной, готовый столкнуться с ожиданиями 16 000 молодых фанатов и всей остальной Великобритании, жаждущей узнать, что же это на самом деле за монстр и какие ужасные вещи он совершил.

Но человек, на которого я смотрел следующие 90 минут, оказался полной противоположностью «монстра». Напротив, когда хоккейная маска из фильмов ужасов, в которой он вышел, оказалась снята, харизма его яростного образа исчезла подобно Волшебнику из страны Оз: он выглядел низкорослым и худым, несмотря на занятия в фитнес-зале, бледным — тем мальчиком, которого обижали на детской площадке, которым он был когда-то. Дорогая аппаратура, мультипликационный антракт, его группа друзей из Детройта, D12, которые иногда читали рэп, — все это выглядело как способ отвлечь внимание от самой печально известной, якобы бесстрашной поп-звезды в мире.

Он не выглядел как кто-то, кто мог бы пригрозить пистолетом или изнасиловать собственную мать. Вместо этого он мягко разговаривал с толпой, состоящей в основном из подростков, а то и младше, убеждаясь в том, что дети воспринимают все это как шутку, и надеясь, что не станут делать того, о чем говорится в тексте песен. Он нелепо, лишь ради забавы, просил их всех заявить, что они наркозависимые, чтобы привлечь людей, которым он нравится, и оттолкнуть доверчивых взрослых, критикующих его. Великий женоненавистник даже пригласил фанатку-подростка на сцену, обращаясь с ней как с соб-

ственной дочерью. Кажется, он отчаянно пытался прекратить истерию, которую спровоцировал, чтобы снова быть просто артистом. В действительности между его экстремистским искусством и робкой реальностью находилась бездонная пропасть. Его ярость вспыхнула только в конце, когда, обращаясь к критикам, он произнес припев очередного печально известного хита: «I am whatever you say I am» («Я тот, кем, ты говоришь, я являюсь»).

В самом деле, он гораздо больше и одновременно гораздо меньше, чем кажется. Его настоящая история началась 28 лет назад и за 4000 миль¹ отсюда, в зловещих индустриальных руинах Детройта в США.

¹ 1 миля равна 1,6 км. *Прим. ред.*

Глава 1

ТОЧКА ОТСЧЕТА

ФЛЭШБЕК. В Детройте невозможно вернуться назад. Люди, которые разглагольствуют о смерти американской мечты, говорят так только потому, что никогда не были в этом месте и не видели своими глазами этот заржавевший искромсанный труп века обманутых надежд. Почитайте книги по истории перед тем, как приехать сюда, и вы поймете, что город, в котором Эмину пришлось пробиваться в мир, — конец всех путей в Америке.

Его становление было стремительным и довольно многообещающим. В начале 19 века это был лишь участок посреди среднезападной дикой местности, поселение, известное разве что охотникам из французской Канады, с которой оно почти соприкасалось. «De troit» на французском значило «пролив» или «узкая речка», вниз по которой гребли охотники, оказываясь в другой культурной среде. Но к 1805-му первый губернатор штата Мичиган, судья Огастус Вудворд, уже планировал превратить эту деревушку в «Париж Запада», идеальный новый город с рационально продуманными парками и бульварами. Это была первая мечта, рухнувшая в Детройте.

В 1825-м, когда канал Эри соединил канадские Великие Озера и Нью-Йорк, он был выбран перевалочным пунктом для поселения на северо-западе Америки. В 1884-м железнодорожные пути, соединяющие Детройт и Чикаго, только усилили его значение в развивающемся государстве: это был один из первых построенных подобных путей. К рассвету 20 века центр города был оживленным и процветал

в стиле крупных городов Америки, вроде Нью-Йорка, с заводами, барами, общественными зданиями и домами, кучкующимися вместе. Но Детройт стал последним таким городским районом, который попытались создать в Америке, пока новая пригородная жизнь расцветала, и он пережил самое отвратительное падение.

Такая незавидная судьба могла показаться немислимой в 1925-м. Тогда Генри Форд, родившийся недалеко в Дирборне, наблюдал за миллионной партией Model T, вышедшей с его завода в Детройте. Бизнесмен превратил город в центр автомобильной промышленности, который сам запустил и возглавил. Высокие зарплаты на его заводе привлекли семьи из таких дальних краев, как Палестина, Восточная Европа и Дальний Юг Америки. Они бунтовали у его ворот, требуя работу, и к 1921-му население Детройта выросло в четыре раза, до миллиона. Военная деятельность в сороковых принесла новую волну работников, многие из них были чернокожими с Юга, ищущими возможности сбежать подальше от угнетающей их родины. Детройт стал «арсеналом демократии», или, если проще, «городом моторов» (Motor Town): там были самые высокооплачиваемые «синие воротнички» Америки, его заводы простирались на мили, станки работали беспрерывно, рост, казалось, стал неизменным состоянием города. Но сегрегированная, мрачная пустошь, которую Эминем называл «Амитивилль» или просто «Шитвилль», уже начинала разрастаться за всей этой показухой.

Разделение черных и белых граждан теперь так же определяло Детройт, как и Model T когда-то. Эта бомба замедленного действия была установлена на пике сороковых, тогда чернокожее население города удвоилось, но список улиц, на которых они могли жить, практически не менялся. Соглашения об аренде недвижимости запрещали заселяться черным, а враждебность и правительственный сговор держали их привязанными к разлагающимся районам вроде Нижнего Ист-Сайда, также известного как «крысиная аллея» из-за грызунов, от укусов которых страдали его стесненные жители. Белые домовладельцы сдавали в аренду жилье, разваливающееся на части, а цены на аренду взлетели до небес в гетто, набитом почти до отказа. Жизни семей стали напряженными, жители быстро сменяли друг друга, преступность и нищета росли. Предубеждения белых подтверждались. И когда в сороковых автоиндустрия, рожденная в Детройте, стала переезжать в более дешевый пригород, белые граждане последовали за

ней. Легализация гражданских прав бросила вызов расовым соглашениям в городе, белые переехали на новые загородные территории, что оставило за собой почти бесконечную бесплодную пустошь. Находящиеся за северной границей Детройта, длинным восьмимильным шоссе, эти поселки не отделялись от города. Но юридически эта обширная сеть загородных домов, «врезанная» в черту города и школьные округа, была неприкосновенна. Защищенный скрытой расовой дискриминацией рынка жилья и ассоциацией соседей, притесняющих и нападающих на черных «захватчиков», как раньше было в городе, этот пригород стал миром белых.

Юг 8-й мили — обычная дорога, такая же непроходимая, как Берлинская стена. Черные были брошены на произвол судьбы среди останков заводов, которые выманили их из Дикси. Налоги направлялись также в пригород. В черном мире в центре Детройта работы, денег и надежды становилось меньше с каждым днем. И в 1967-м это место невидимой политики сегрегации стало площадкой расовой войны, итогом того, во что может превратиться творящееся беззаконие.

Однажды здесь уже состоялся расовый конфликт, в 1943 году, вскоре после того, как в журнале «Life» написали: «Детройт — это динамит: он взорвет либо Гитлера, либо Соединенные Штаты». Тогда в трехдневном сражении, завершенном федеральными войсками, погибли 34 человека, из них 25 черных. Это подожгло фитиль. Взрыв произошел в 1967 году, в декаду расовых бунтов, самый жестокий в Америке со времен Гражданской войны. В других городах в шестидесятые в разрушениях была закономерность: обилие предприятий, принадлежавших белым, было сожжено в знак протеста. В Детройте все зашло слишком далеко. Искрой стал полицейский рейд на нелегальный бар одной жаркой июльской ночью, по итогам которого черные бунтовщики начали беспорядочные поджоги. К подавлению беспорядков были привлечены вьетнамский генерал и почти 5000 десантников. За пять дней бунтов были убиты 43 человека, из них 30 — полицейскими, 7231 человек арестован, 2509 зданий разграблены или разрушены. Дома, опустевшие за эти дни, до сих пор украшают Детройт. «Это выглядит как Берлин в 1945-м», — сказал мэр Джером Кавана, наблюдая разрушенный город. «Первый американский город Третьего мира», — также добавил он.

Эти события произошли за пять лет до рождения Эминема. Прах бунта тогда еще не был развеян. В 1967-м треть населения Детройта

была чернокожей. Теперь же составляла 80 %. Качество жизни в районе белого пригорода оставалось довольно высоким, но в самом городе как будто началось органическое необратимое гниение. С 1950-го его население снизилось на миллион. Более 10 000 домов и 60 000 участков остались пустовать. Треть его граждан находилась за порогом бедности. Многие жили в районах крайне высокой безработицы, бесперспективности. В семидесятых и восьмидесятых, когда в других американских городах расовое разделение размывалось, в Детройте оно лишь усиливалось. Он был заброшенным мертвецом, а 8-я миля была шрамом, отражающим его характер.

Но есть и светлая сторона истории, наследником которой стал Эминем, — невероятно богатое музыкальное наследие. В ранних шестидесятых черные жители Детройта Берри Горди и Смоки Робинсон основали лейбл Motown (сокращение от Motor Town — «город моторов») и быстро набрали местные таланты, включая Марвина Гэя, Стиви Уандера, The Temptations, The Supremes, Марту Ривз и The Four Tops. Взяв начало в скромном домике Горди с деревянным знаком «HITSVILLE U.S.A.» («Хитсвилль С.Ш.А.») на крыше, был основан завод хитов, не уступающий заводу Генри Форда. Отдел развития артистов возвращал чистый подростковый талант, пока сессионные музыканты из The Funk Brothers и писатели-продюсеры, включая Робинсона и Холланда, Dozier & Holland, соблюдали безупречные стандарты, выпуская такие хиты, как «Stop! In the Name of Love» и «I Heard It Through The Grapevine». Отправляя своих звезд в довольно опасный тур по Югу, находящемуся в состоянии сегрегации, в 1962-м, Горди предупредил их, что они представляют «весь Детройт». И, согласно привычным для Горди убеждениям, эти пластинки, записанные в кипящем расколоте городе, большую часть шестидесятых занимали места в поп-чартах, выражая стремление к лучшему, пока, наконец, не воплотили его мечту стать «голосом молодой Америки».

Между тем реакция детройцев на эту музыку была более сложной, резкой: «Dancing In The Street» группы Martha & The Vandellas стала боевым кличем тысяч людей в адском пламени 1967-го. И когда лейбл переехал в Лос-Анджелес в 1972-м, Детройт лишился еще одной мечты.

Более жестокие реалии Детройта в шестидесятых были выражены не только позднее в пластинках от Motown вроде *What's Going On*

Гэя, но и в скрежещущем прото-панковском гаражном роке MC5 и The Stooges Игги Попа. Поп сказал, что его звук был отчасти рожден из грохота оставшихся в городе автозаводов, и гаражный рок продолжал процветать в Детройте, игнорируя моду, с такими группами, как The White Stripes и Von Bondies.

Не менее важным ключевым событием стало создание в начале восьмидесятых детройт-техно тремя молодыми чернокожими представителями рабочего класса: Дерриком Мэйем, Хуаном Аткинсом и Кевином Сандерсоном, которые жили в пригородном Белвилле, в 30 милях от города. Как-то Аткинс поделился с Саймоном Рейнольдсом малоизвестным фактом: депрессивный Детройт — «[также] город самых состоятельных чернокожих в стране». Молодые музыканты создали танцевальный пост-индастриал, вдохновляясь среди прочих Kraftwerk и Джорджем Клинтоном. В треках, подобных «Strings Of Life» Мэя, они сделали свое звучание мрачным и причудливо прекрасным, переключаясь со скрежетом закрытых заводов, которые теперь заполняли Детройт, где группа не пользовалась большой любовью.

Значительно вдохновив европейскую рейв сцену, Мэй тонко повлиял на творчество рэпера. Хотя отклонение от популярной музыки, выражающей стремление и амбиции, в сторону культовой музыки опустошения проявляется более четко в творчестве Эминема, когда он вступает в детройтское наследие.

В музыкальном, промышленном и политическом планах он жил в месте, где дни славы почти прошли. В нации, которой к девяностым управлял хип-хоп от Восточного побережья до Западного, он читал рэп в пустоту. Он был как рабочий, все еще пытающийся найти себе применение на автомобильном заводе. Он жил на родине «Хитсвилла», который к тому времени уже закрылся.

Прогуляйтесь сейчас по Детройте и увидите новые достопримечательности, перевалочные пункты жизненного пути Эминема. Как и его музыка, они неотделимы от падшего, разбитого на куски состояния самого города.

Центр — хорошее место, чтобы начать. Прогуляйтесь по кампусу университета Уэйна, отправляйтесь навстречу грандиозному промышленному небоскребу, что когда-то был сердцем города, и попадете в чуждый пейзаж, состоящий из всего того, что Детройт когда-то потерял. Можно пройти 15 минут и не увидеть ни души — будто Помпеи

после извержения вулкана. Чувство какой-то природной катастрофы вьелось в каждое пустое здание. Краска на стенах того, что когда-то было заводом, слезает. Эти улицы будто были вытащены из-под воды. Асбест оставили лежать на улице, сотни окон просто-напросто выбиты. Крыша одного из огромных домов снесена, а внутри него будто разбился огромный самолет, набитый мусором, пробивший его до первого этажа и заполнивший до самого верха. Ветер гуляет сквозь обломки, будто живой. Недалеко простираются огромные пустые парковки, давно опустошенные аллеи, заросли травы. Эта практически беззвучная разруха может быть мирной и успокаивающей для туриста. И только когда замечаете вдалеке скучающую молодежь, вспоминаете, что здесь вообще-то должны жить и работать люди, и что Детройт теперь опасен по ночам, потому что они не могут этого сделать.

Поверните направо вдоль старой границы города, по Гранд-бульвару, и окажетесь в Нижнем Ист-Сайде, все еще гниющем сердце гетто. Обугленные каркасы домов, сожженных дотла, треснувшие крыши, огромные участки, залитые грязью. Разрушенное здесь не восстанавливают, а оставляют как есть, что делает это место похожим на пропасть, призрак прошлого. Какое-то время Эминем жил здесь с Ким и Хэйли. Но недостаточно долго, чтобы задержать здесь свое внимание. Добраться до следующего пункта назначения можно, срезав через Грейшет-авеню, автостраду, разделяющую этот старый район. Путь быстрый и непримечательный, как и любило большинство белых из пригорода; это объясняет, почему место стало таким заброшенным. Но у Эминема тогда не было машины, и если вы выберете более долгую дорогу, то сможете ознакомиться с его маршрутом.

Продолжая путь прямо через Гранд-бульвар, вы вскоре окажетесь на 8-й миле. Эминем так часто упоминал ее в интервью, называя «расовой границей», даже назвал свой фильм «Восьмая миля» — настолько сильно шоссе отпечаталось в его мыслях, — что вы ожидаете увидеть бурлящее гетто. Это, в самом деле, главная отличительная черта Детройта и итог его расовой истории, граница, которую Эминем решительно переступил, чтобы создавать «черную» рэп-музыку. И идти можно как угодно далеко — шоссе тянется по всей северной границе Детройта, — но ту силу можно так и не заметить. 8-я миля выглядит как и любое другое американское шоссе. По его краям расположились автосалоны, склады и дешевые мотели. Только выбрав

правильное направление, вы сможете раскрыть его тайну и по-настоящему последовать по стопам Эминема.

Поверните направо, обратно в сторону Детройта, к 7-й миле (номера здесь считать можно долго, они доходят до 19-й мили и обратно до бесконечности). В зависимости от выбранного перекрестка, можно оказаться по разные стороны жизненного пути Эминема. Продолжайте путь и окажетесь в утопающем в зелени английском пригороде с каменными домами в тюдоровском стиле, ассоциирующимися с достатком. Только с тем отличием, что люди здесь чернокожие. Это Багли, один из старейших районов Детройта для чернокожих среднего класса. Идите дальше, вдоль 7-й мили, и вскоре увидите гетто. Здесь больше заводов с разбитыми окнами, сгоревших домов, зарослей. Есть и уголки жизни: школы, церкви, студии звукозаписи. И снова каждый встречный — чернокожий. В Детройте цвет кожи разделяет людей.

Здесь, на 7-й миле, некоторое время жил Эминем. Здесь находился магазин Hip-Hop Shop (сейчас он переехал), где музыкант оттачивал свои навыки рэпера, здесь же были и его чернокожие друзья из D12. Будучи подростком, он жил со своей матерью немного южнее 8-й мили в маленьком двухэтажном доме (они стали одной из трех белых семей в районе) прямо за огромным уродливым торговым центром Bel-Air. Как раз возле него чернокожие подростки однажды раздели его до нижнего белья и приставили пистолет к его голове за цвет кожи. Спас мальчика проезжающий мимо вооруженный белый водитель грузовика.

«Если бы они выросли в Детройте, в городе, — жаловался Эминем журналу “City Detroit” на своих критиков, когда еще только начал обретать популярность, — они бы знали, какого черта происходит. Они бы знали, почему я чувствую то, что чувствую, и говорю то, что говорю. Когда ты белый и находишься в сфере хип-хопа, все хотят знать о твоём прошлом. Ты должен быть выходцем с района. А я не вижу в этом смысла. Но, ладно, окей, если все в мире хотят узнать, откуда я, то я именно из тех мест. И я вам это докажу».

За день до интервью рэпер привел MTV к своему старому дому за торговым центром. Но тогда он слишком старался оправдать себя и рассказал лишь половину истории. Он никогда не был каким-то белым подкидышем, брошенным на произвол судьбы в мире черных. Мальчишка, который, будучи национальной звездой, придумывал себе новые имена и личности по желанию, понимал расколотое состо-